

- ⁷ Knihovnička “Plamja” // Rudé právo. 20.06.1926. Č. 146. Dělnická besídka. S. 2.
⁸ -a. Sovětský román dobrodružný // Rudé právo. 18.03.1928. Č. 67. S. [4].
⁹ Majerová M. Sergej Jesenin // Rudé právo. 17.10.1926. Č. 246. Dělnická besídka. S. 1–2.
¹⁰ –jef– E. Zamjatin: My // Rudé právo. 30.07.1927. Č. 232. S. 6.
¹¹ См. подробнее об этом периоде: Амелина А.В. Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета «Руде право») // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 199–212. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-199-212>.
¹² Там же. С. 203–204.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.07

Советский мир как предмет осмысления в романе Иржи Вайля «Москва-граница»

Анна Васильевна Грасько,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Ключевые слова: Иржи Вайль, чешская литература, Советский Союз, модернизм, монтаж

The Soviet World as a Subject of Comprehension in Jiří Weil's Novel “Moscow-Border”

Anna V. Grasko,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Keywords: Jiří Weil, Czech literature, Soviet Union, modernism, montage

В 1920–30-е гг. многие представители чешской «левицы» — интеллектуалы, писатели, поэты, деятели культуры, политики — стремились побывать в Советском Союзе и сформировать собственное мнение об этой стране социалистического

эксперимента. Свои впечатления чешские интеллектуалы выразили в разнообразных литературных свидетельствах: очерках, эссе, поэтических и прозаических текстах¹. На фоне дискурса всего написанного и сказанного об СССР в 1920–1930-х гг. выделяется роман чешского писателя, переводчика, публициста первой половины XX в. Иржи Вайля «Москва-граница»².

Роман был написан Вайлем в 1936 г. сразу после его возвращения из Советской России, где он, как иностранный интеллектуал, сочувствующий идеям коммунизма, сначала работал в качестве журналиста и переводчика, затем был осужден за мещанство и отправлен в трудовой лагерь. Сопоставляя роман Вайля с текстами его современников, посвященными Советскому Союзу, можно сказать, что он не только несет в себе наиболее сложную трактовку неоднозначной советской действительности, но и является, пожалуй, самым ценным в художественном отношении чешским литературным свидетельством о советской России 1920–1930-х гг. При этом своеобразие романа Вайля связано прежде всего с тем, что его текст вбирает в себя множество идейно-эстетических явлений, характерных для европейской и русской литератур того времени. Одной из ярких особенностей произведения, которая соотносит его с европейской модернистской и русской формалистской эстетикой, является монтажность композиции.

На первый взгляд, роман Вайля не кажется сложным, сюжетно неясным и структурно затемненным, однако читатель быстро обнаруживает специфическое, не до конца понятное и не до конца предсказуемое сюжетно-композиционное построение романа, обусловленное его непростой проблематикой. Сюжетные линии в романе не связаны лишь с одним героем, и единый романский сюжет, если понимать его как некоторую непрерывную линию движения главного героя (или героев), в романе не выстраивается.

Текст «Москвы-границы» разделен на три большие части, которые названы именами трех персонажей: «Ри», «Ян Фишер», «Рудольф Герцог», при этом в книге отчетливо выделяются только два главных героя — Ри и Ян Фишер. О смене

главного героя в романе свидетельствует не только разделение на части, но и смена субъектного плана повествования. Всю первую часть автор как бы «соединяется» с сознанием героини Ри, используя несобственно-прямую речь: «Возможно, все дело в том, что Ри не работает, как остальные, она же видела, как все трудятся целый день, потом разбегаются по своим кружкам и лекциям, она видела вокруг себя страшную спешку, бег наперегонки, все было в движении, только Ри была одинока в своей большой квартире с громоздкой мебелью и европейскими книгами»³. Во второй и третьей частях несобственно-прямая речь связана с сознанием другого героя — Яна Фишера. Несмотря на то, что третья часть книги Вайля названа именем Рудольфа Герцога и его смертью заканчивается вся книга, Герцог является героем скорее второстепенным, а его линия оказывается тесно связана с линией Яна Фишера и не разворачивается самостоятельно. Об этом свидетельствует не только непроявленная сюжетная линия, но и отсутствие приближения к этому герою автора и несобственно-прямой речи, демонстрирующей особое проникновение автора во внутренний мир героя.

Пытаясь сложить воедино все три сюжетные линии романа, мы можем сказать, что три части романа объединены не судьбой одного персонажа, но, скорее, общей темой — жизнью иностранцев в Москве 1930-х гг. Герои здесь введены не ради развития романной интриги, они нужны автору функционально, их субъективное сознание помогает оценить советский мир, проверить его жизнеспособность с позиции обычного человека. Кроме того, принадлежность героев к другому, «западному» миру позволяет увидеть советский мир с особой «остраненной»⁴ точки зрения, о которой писал В.Б. Шкловский. Конфликт каждого героя (Ри, Фишера, Герцога) с реальностью приоткрывает читателю значимую сторону советской действительности во всех ее противоречиях, а то, как герой этот конфликт преодолевает или не преодолевает, показывает значимые для автора способы взаимодействия с советским миром. Первый характерный типаж иностранца в романе представляет героиня Ри — молодая

чешка, выросшая в буржуазной семье, разорившейся после войны, которая в СССР приехала за своим мужем-инженером, Робертом. Главным испытанием для героини становится советский быт; именно с ее линией связано подробное, почти документальное описание советского бытового пространства. Вместе с тем на примере судьбы героини автор показывает, что бытовой конфликт преодолим, а советский мир может предложить что-то более ценное, нежели мещанский комфорт — героиня адаптируется и становится советской труженицей, ударницей на шарикоподшипниковом заводе, в работе обретает смысл жизни. Ян Фишер, прототипом которого является сам Вайль, — чешский левый интеллектуал, переводчик. Главное в нем — личностное начало и стремление к нормальной человеческой жизни. Именно эти качества Фишера позволяют автору проникнуть в более сложные пласты советской реальности и показать ее глубинные противоречия: государство, кажется, созданное, для людей, подавляет все человеческое, индивидуальное, не связанное с коллективом, поэтому и герой, не сумев в себе преодолеть индивидуальное начало, превращается в отщепенца и подвергается публичному осуждению на одной из партийных «чисток». Судьба еще одного героя, Рудольфа Герцога, также демонстрирует типичную «советскую» судьбу и проявляет другие противоречия советского мира: безжалостность и сомнительную справедливость советского по отношению не только к человеку вообще, но и к самым искренним идейным сторонникам коммунизма: румынский революционер, идеалист и романтик Герцог, который изначально воспринимает СССР как родину, заканчивает свою жизнь в роли героя и жертвы Советского государства.

Таким образом, в своем романе Вайль вырабатывает особую форму изображения советской реальности — через ее монтажную обработку. В результате получается своеобразная конструкция-матрешка: через сознание отдельных героев, которые, в свою очередь, принадлежат более широкому миру иностранцев в СССР, автор раскрывает специфику жизни в советском пространстве.

Примечания

- ¹ Наиболее полная подборка и характеристика различных текстов, написанных чешскими писателями и деятелями культуры по следам поездок в СССР содержится в чешской монографии: *Šimová K., kol. Cesty do utopie: Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů*. Praha, 2018. Этой проблематике посвящено немало работ и в отечественной славистике. См.: *Амелина А.В. Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг.* (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // *Россия и русский человек в восприятии славянских народов*. М., 2014. С. 307–320; *Будагова Л.Н. Чешские писатели и открытые политические процессы в Москве 1930-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте / под. ред. Хавановой О.В. М., 2016. С. 457–475. Она же. Чехи в Москве первых пятилеток // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018. С. 300–315; *Герчикова И.А. Чехи в Москве 30-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайса // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018. С. 285–299.**
- ² *Вайль И. Москва-граница / пер. с чеш. Ю.В. Преснякова. М., 2002.*
- ³ Там же. С. 78.
- ⁴ *Шкловский В.Б. Искусство как прием // О теории прозы. Москва, 1983. С. 9–25.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.08

Особенности поликодового языка «Супрематического сказа» Эль Лисицкого

Яна Александровна Оленева,

Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина,

Москва, Российская Федерация; e-mail: vlacenimira@gmail.com

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, Эль Лисицкий, Супрематический сказ, поликодовость

Multimodal Features of El Lissitsky's "Suprematist Tale"

Yana A. Oleneva,

Kosygin Russian State University,

Moscow, Russian Federation; e-mail: vlacenimira@gmail.com

Keywords: multimodal text, creolized texts, El Lissitsky, Suprematist tale, multimodality